

Глава 9

Школа Умин

Как выяснилось, Цинь Хуань — парень на редкость настырный.

Стоило ему допить суп, как он принялся приставать ко мне с просьбами обучить его магии. Мы препирались до самой полуночи, но он по-прежнему был полон сил и неиссякаемой энергии.

— Сяо Байлянь... — Пользуясь тем, что я не могу пошевелиться, этот сорванец не переставал тормошить меня за плечо. Хватка у него была железная, а настойчивость — поистине сокрушительная.

Только вот у меня спина раскалывалась.

Я честно пытался притвориться спящим, но целебное варево, которым он меня потчевал, заставляло кровь бурлить, а жизненные силы — бить ключом. Учитывая его неугомонность, игнорировать его было просто невозможно.

— Сяо Байлянь, ну научи меня... — талдычил он одно и то же.

Наконец я не выдержал и, обернувшись, сказал как есть:

— Я правда не могу... У меня совсем не осталось магических сил.

Мальчишка тут же взвился:

— Неправда! В тот день ты явно использовал заклинание, чтобы в миг оказаться у меня за спиной, а потом прикончил того синекожего демонического зверя. Я видел это своими глазами!

«То была сила Шпильки Управления Ветром, а не моя», — хотел я возразить, но промолчал.

Даже если бы у меня сохранились крохи бессмертной энергии, я не имел права передавать её смертным. В мире людей действуют строгие законы: небожителям запрещено вмешиваться в ход земных событий, отдавать артефакты Небесного царства обычным людям и уж тем более обучать их божественным техникам.

Исключение составляли лишь те, кто, подобно Мо Чэ, обладал врождённым даром и особой связью с небесами.

Видя моё затянувшееся молчание, Цинь Хуань надулся и отвернулся:

— Ты такой же, как и наш Первый глава. У всех вас есть силы, чтобы истреблять демонов, но никто не хочет меня учить. Почему?

— Зачем... Зачем тебе это так нужно?

За окном завывал ночной ветер. Его порывы врываются в щели, заставляя пламя светильника на столе то гаснуть, то вспыхивать вновь. Тени в комнате плясали в безумном ритме, путая очертания предметов.

Я пристально посмотрел в глаза мальчишки. В их глубине яростно полыхало тёмное пламя.

— Если бы у меня была сила, — процедил он, и в каждом слове сквозила лютая ненависть, — я бы собственноручно перебил всех этих тварей. Чтобы они больше никогда не могли вредить людям!

— Прости, но я действительно не смогу тебя научить, потому что лишился магии.

На этот раз мой голос звучал спокойно и серьёзно, без тени усмешки.

— Возможно, ты мне не веришь, но то, что произошло в лесу, было чистой случайностью. Есть вещи, о которых я не вправе говорить, но я тебя не обманываю.

Он резко повернулся ко мне. Он всё ещё был разгневан, и в его взгляде бурлила жажда расправы.

Я протянул руку, желая коснуться его лица, но он оттолкнул меня. Тогда я просто перехватил его ладонь и негромко произнёс:

— Если идти путём совершенствования с чистым сердцем и ясным разумом, можно научиться защищать мир от зла — и это будет великим благом. Но сейчас в твоих словах нет ничего, кроме злобы. Желание порождает ненависть, а ненависть — демоническую преграду в душе. Подумай: чего ты хочешь на самом деле? Спасать людей или просто обладать сокрушительной мощностью, которой невозможно противостоять?

Цинь Хуань замер, ошеломлённый моими словами. Он долго смотрел на меня, не мигая.

А потом этот вечно скалящийся малец так и не улыбнулся. Он молча встал и вышел в ночную тьму.

Порыв ветра задул свечу.

Тьма стала абсолютной. Я перестал различать даже контуры мебели в комнате. Что с открытыми глазами, что с закрытыми — картина не менялась.

Ночь выдалась холодной. И я так и не смог сомкнуть глаз.

На рассвете первым, кто пришёл ко мне, был Мо Чэ. Вид у него был измождённый, и он, кажется, в полузабытьи перепутал комнаты.

Отложив меч, он просто рухнул на кровать рядом со мной.

Мне стало тесно, и я уже хотел было отправить его отдыхать к себе, но он уже крепко спал, уткнувшись в край моей подушки и тихо похрапывая.

Я занёс палец, собираясь ткнуть его в лоб.

Но потом передумал. Даже если я его разбужу, вряд ли он пойдёт досыпать на своё место. Пусть уж лучше отдохнёт здесь. В конце концов, он так долго за мной ухаживал, что я вполне мог потесниться.

Усталость навалилась и на меня. Когда рядом кто-то есть, на душе становится спокойнее.

Я закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся я уже после полудня от нестерпимого чувства голода. Мо Чэ всё ещё спал, закинув руку мне за шею и прижавшись лбом к моему.

Я присмотрелся к его лицу: он слегка нахмурился, а его длинные ресницы едва заметно подрагивали.

Только сейчас, разглядывая его так близко, я понял, насколько он красив. Вечно холодное, полное забот лицо в покое казалось удивительно благородным. Просто обычно он смотрит так сурово, что люди боятся поднять на него глаза.

Интересно, как он выглядит, когда улыбается?

Я невольно коснулся кончиками пальцев его виска, провёл по линии челюсти и замер, коснувшись его губ.

Полуденный ветер играл прядями его волос, рассыпая их по подушке. В воздухе плыл едва

уловимый аромат цветов, принесённый из сада.

Я замер, охваченный странным, пугающим порывом.

"Я поцеловал его."

Это был мимолётный, едва ощутимый поцелуй — невинный и робкий.

Солнечный свет заливал комнату, окрашивая наши лица в багровые тона. Я прикрыл глаза, слушая, как в тишине сбивается ритм моего собственного сердца.

Мне стало тепло. По-настоящему тепло, до самой глубины души.

"Помню лето, когда я зацвёл в первый раз."

"Тогда стояла страшная засуха. Солнце беспощадно выжигало землю, всё живое изнывало от зноя. Я тоже был на грани смерти."

"Я был лотосом, единственным в крошечном пруду на дне глубокого оврага. Вода почти ушла, её остатки выпили звери. Земля потрескалась, растения увяли. Животные, мучимые жаждой, принялись за меня."

"Они обглаживали мои листья, причиняя невыносимую боль, а когда повредили стебель, я понял, что умираю."

"Я думал, что мне осталось не больше пары дней."

"Я уже не мог держать голову. Истерзанные лепестки падали в грязь, корни остались без защиты. Я лежал в липкой тине, теряя счёт времени, пока не прогремел первый, долгожданный удар грома."

"Я не мог подняться. Глядя на то, как тяжёлые капли дождя разбиваются о моё израненное тело, я чувствовал не холод, а спасительное тепло."

Такое же, как от него.

Мне захотелось прижаться к нему ещё крепче.

Когда я снова открыл глаза, Мо Чэ рядом уже не было.

Я посмотрел на свои ладони, сжал и разжал пальцы. Из кухни донёлся негромкий шум. Я обернулся: в распахнутую дверь ворвался сноп света, такой яркий, что на миг я ослеп.

С меня хватит этих дней неподвижности.

Спина всё ещё ныла, но раны уже затянулись. Упёршись руками в матрас, я попытался сесть. Резкая боль полоснула по лопаткам — не думал, что обычное движение окажется таким трудным. Неужели я, будучи бессмертным, так обленился в своих тренировках, что теперь морщусь от малейшего движения?

Впрочем, когда Мо Чэ появился в дверном проёме, я победно улыбнулся:

— Что, удивлён, что я встал?

Он стоял против света, и я не видел его глаз, но заметил, как его щёки залил румянец. Он замаялся, отвёл взгляд и наконец произнёс хриплым голосом:

— Обед... готов.

Я прищурился и ехидно вскинул бровь:

— О? И как же ты узнал, что я проголодался? Говоришь так, будто я только и умею, что набивать брюхо...

— Нет... вовсе нет, — он снова смутился.

Подразнить его я ещё успею, а есть хотелось не на шутку.

— Я голоден, — вынес я вердикт.

Словно получив приказ, он закивал и поспешно вышел.

Вернувшись с подносом, он совершенно естественно взял чашку с рисом, собираясь кормить меня с ложечки. Я остановил его взглядом:

— У меня что, рук нет?

Мо Чэ тут же помрачнел. Он медленно начал отставлять еду, не проронив ни слова.

— Но, — прервал я его, прежде чем он успел выпустить чашку, — я хочу, чтобы ты меня

покормил.

Я заметил, как он судорожно сжал края посуды. Его длинные ресницы дрогнули. Краска сошла с его лица, оставив лишь странное выражение, похожее на трепетную тень цветка на белом подоконнике.

Он снова поднёс ложку к моим губам. Теперь его движения были медленными и осторожными. Он явно боялся смотреть на меня, но в то же время был предельно сосредоточен. Наблюдать за ним в этот момент было... почти трогательно.

Позже я пересказал ему наш ночной разговор с Цинь Хуанем.

Мо Чэ на мгновение задумался и покачал головой:

— Этот ребёнок всегда бредил магией. Он ещё совсем маленьким пришёл в крепость Байхуэй и требовал, чтобы его взяли в ученики.

— В ученики? Так всё это было всерьёз?

Мо Чэ посмотрел на меня очень серьёзно:

— Хочешь знать, как появилась наша крепость?

Ещё бы. Я кивнул.

— Ты слышал когда-нибудь о школе Умин со снежного пика Линшао? — спросил он.

Я честно покачал головой:

— Я знаю только старика на улице Удун в Ванху, который торгует печёным бататом. Вкусно, кстати.

—...

— Продолжай, продолжай.

Он взял свой длинный меч и бережно провёл ладонью по лезвию:

— Этот меч — главная реликвия школы Умин. И символ нашей веры.

— Веры?

— Тысячу лет назад наш основатель, великий Умин-чжэньжэнь, нашёл этот Божественный меч на пике Линшао. Тогда он создал школу и поклялся истреблять демонов, защищая покой простых людей...

Он замолчал, а потом добавил:

— Я — ученик школы Умин. Мой учитель, Мо Цяньшань, был её главой в тринадцатом поколении.

Мо Чэ погрузился в воспоминания, не отрывая взгляда от меча.

— Семь лет назад, когда наставник находился в глубокой медитации, демоны внезапно напали на школу. Они резали наших братьев без разбора. Учителю пришлось прервать уединение. Он отбил атаку, но из-за сокрушённого цикла внутренней энергии его сердце и лёгкие были повреждены. Он скончался почти сразу, успев передать этот меч мне...

Он нахмурился, и в его глазах вспыхнула затаённая боль.

— Но всего через три дня твари вернулись. Школа, и так обескровленная, не могла долго сопротивляться. Именно тогда я понял, что могу управлять этим Божественным мечом. Но сил всё равно не хватало — врагов было слишком много. Чтобы спасти тех немногих, кто выжил, старейшина Ху и я увели людей на гору Байхуэй. Здесь мы основали крепость, чтобы набраться сил и выяснить, кто стоит за всем этим.

— Но зачем демонам нападать на школу Умин? — удивился я. — Обычно нечисть обходит таких охотников за версту.

Мо Чэ ответил мрачно:

— Мы поймали одного из них. Он признался, что им нужен Божественный меч.

— Что? — Я окончательно запутался. — Но ведь демоны не могут даже коснуться Божественного меча. Зачем он им? Это же верная смерть!

Он покачал головой:

— Легенда гласит, что тысячи лет назад этим мечом был сражён император демонов Сюаньду. Клинок впитал в себя его предсмертную ярость и тёмную мощь. Они верят, что, завладев мечом, смогут вернуть силу своего господина и воскресить его.

Сюаньду. Никогда не слышал этого имени.

В этом запутанном мире я всё ещё чувствовал себя чужаком.

Может, это какой-то древний демон времён сотворения мира, а может — выскочка, появившийся, пока я перерождался. Неважно.

Важно то, что он мёртв.

Попытка воскресить мёртвых — это преступление против Небесного закона и самой сути мироздания. Как небожитель, я не мог оставаться в стороне.

— Значит, все в крепости — люди из школы Умин? — Я вспомнил, как в первый день меня окружила толпа, стоило девчужке крикнуть «оборотень».

Мо Чэ едва заметно смягчился:

— Не совсем. Кто-то за эти годы обзавёлся семьями, кто-то ушёл искать другой доли. Другие пришли к нам позже, как Цинь Хуань...

— А что с ним?

— Семья Цинь Хуаня жила неподалёку от городка Ванху. Когда он был совсем маленьким, демоны убили его родителей прямо у него на глазах. С тех пор он одержим мстью. Однажды он увидел, как мы сражаемся с нечистью в долине, выследил нас и пришёл сюда, требуя обучить его магии.

— И, конечно, был разочарован, — закончил я за него.

Мо Чэ вздохнул:

— Он ещё слишком мал. Ему не место в этой войне. Поэтому мы учили его только обычным приёмам для укрепления тела.

Я кивнул. Он был прав.

В сердце юного Цинь Хуаня жила слишком тёмная ненависть. В таком возрасте он ещё не способен на холодную рассудительность.

За окном солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые и багряные тона.

— Раз многие ушли, ты не думал о том, чтобы распустить остальных?

Он посмотрел на меня спокойным, почти безжизненным взглядом:

— Я никого не держу силой. Те, кто хочет уйти, вольны сделать это в любой момент. Я не стану их винить.

— А как же... ты сам?

Ветер стал холоднее. Мо Чэ встал и накинул мне на плечи тёплую одежду. Его голос прозвучал глухо и низко:

— Учитель был мне как отец. Я не могу оставить его дело.

Говорят, человеческие чувства — вещь непостижимая.

Преданность до гроба, готовность пожертвовать собой ради друга, любовь родителей к детям... Всё это — невидимые нити, которые связывают людей так крепко, что они становятся частью жизни друг друга.

Но те же чувства могут обернуться и предательством, ненавистью, забвением. Та же нить, просто другого цвета.

Это зеркало с двумя сторонами.

На одной написано «Любовь», на другой — «Ненависть».

<http://bllate.org/book/17534/1701852>